

Их подсчеты показали, что значительное большинство рабочих, связанных с промышленным производством в городах и рабочих поселках проживало в сельской местности. В областях БРУП этот показатель в данных переписи 1939 г. составил: Киевской – 25,5%, Витебской – 26,6, Могилевской – 28,9, Гомельской – 29,4, Орловской – 33,2, Житомирской – 37,2, Черниговской – 43,0, Смоленской – 43,4 и Полесской – 61,4%. В целом по БРУП в промышленности 28,4% сельских жителей являлось рабочими.

Даже критичный анализ ранее недоступных источников, позволяет сделать вывод, что в конце 1930-х годов структура рабочих промышленности в БССР и в целом в БРУП была намного разнообразнее, чем считалось раньше. Учитывая предыдущие пополнения рабочих за счет крестьян, а также кустарей, единоличников и батраков, живущих в деревне, но работающих на производстве, можно считать, что рабочие промышленности в абсолютном большинстве были крестьянами, а не потомственными рабочими. Это результат функционального развития промышленности в 1930-е годы. Недавние выходцы из села только начинали приобретать рабочую закалку и психологию, отрываясь от собственнических крестьянских интересов, т.к. большая их часть еще проживала в деревне, оставалась в рамках традиционных представлений, стереотипов мышления, привязанности от земельного участка, от подработок, тяготилось «барачным царством». По социальной структуре рабочих промышленности БССР и БРУП были функциональными рабочими, а не профессионалами с городской психологией. В целом БРУП и, прежде всего БССР, вступали в начальный период индустриализации, когда начался процесс формирования соответствующих потребностям производства рабочих и инженерно-технических кадров. На наш взгляд, проблема этносоциокультурного состава работников промышленности, особенно рабочих, требует специального исследования.

Литература

1. Белорусская ССР / Российский государственной архив экономики (РГАЭ) // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 429.
2. Витебская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
3. Гомельская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 548.
4. Житомирская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 530.
5. Киевская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 533.
6. Могилевская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 551.
7. Орловская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 489.
8. Полесская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 552.
9. Смоленская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 497.
10. Черниговская область / РГАЭ // Всесоюзная перепись населения 1939 года. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 545.

ВЗАИМОСВЯЗИ БЕЛОРУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1918 – 1939)

О.В. КОВАЛЬ

Минск, УО «БГТУ»

История диаспоры является важной частью исторического прошлого народа. Диаспоры, как правило, стремятся сохранить основные характеристики своего этноса, его культуры и традиций. История белорусской эмиграции непосредственно связана с деятельностью диаспоры. Для сохранения национальной идентичности белорусские эмигранты обязаны были налаживать экономические, политические и культурные связи с представителями диаспор других народов. Особенно важными были контакты зарубежных белорусов с украинцами.

В истории белорусской эмиграции XX века можно выделить как экономические, так и политические волны эмиграции, которые совпадают с эмиграционными волнами украинской диаспоры. Вместе с тем, история более многочисленной и консолидированной украинской эмиграции значительно более богатая и насыщенная.

Тема формирования и деятельности белорусской эмиграции сегодня является актуальной и востребованной. Можно подчеркнуть, что в последнее время количество монографий и статей по данной тематике в Беларуси значительно увеличилось. Однако при анализе публикаций по по данной тематике становится очевидно, что далеко не все аспекты политической, экономической и культурной жизни белорусов зарубежья изучены и исследованы.

Термины “украинская диаспора” и “белорусская диаспора” начали активно использоваться в научных исследованиях и публицистике относительно недавно. Украинская диаспора – сборное определение украинской национальной сукупности за пределами украинских территорий [1]. Слово “диаспора” в отношении украинцев и белорусов за границей получило свое распространение с конца 1980-ых годов.

Общими проблемами для диаспор белорусов и украинцев были сложности адаптации в других странах мира. Незнание иностранного языка страны значительно ограничивало социальную среду для представителей новой волны эмиграции. Белорусы и украинцы вынуждены были искать себе знакомых не только среди своих земляков, но и среди представителей других народов, язык которых им был понятен. Близость многочисленных региональных диалектов белорусского, и украинского языка позволила эмигрантам легко устанавливать контакты между собой.

Исследователи истории украинской эмиграции разделяют диаспору на восточную и западную. При исследовании белорусско-украинских контактов за границей особенное внимание отдается именно западной украинской эмиграции, которая начала формироваться в полноценную диаспору с последней четверти XIX века. Необходимо отметить, что украинская эмиграция была значительно больше, чем белорусская, поэтому консолидация и связи между украинцами были более сильными. Можно подчеркнуть тот факт, что по территориальной примете белорусская западная диаспора фактически совпадает с украинской. При изучении

деятельности эмиграции особенное внимание необходимо посвятить таким странам, как США, Канада, Германия, Франция, Великобритания, Бельгия, Аргентина, Бразилия, Парагвай.

Важно отметить, что для представителей белорусской эмиграции поддержка и помощь украинской диаспоры имела большое значение. Украинцы стимулировали активность белорусов зарубежья, помогали консолидации, включали в свои культурные, образовательные и политические мероприятия. Многочисленные православные белорусы на Западе стали частью русской эмиграции именно при помощи церкви, а те, которые были католиками, влились в польскую диаспору. Культурные и политические связи с представителями украинской диаспоры активизировали национальную идентичность белорусов.

Рассматривая историю диаспоры межвоенного периода, большинство белорусских историков останавливают свое внимание исключительно на политической эмиграции. Это объясняется активностью представителей данного направления. Однако политическая эмиграция белорусов не являлась массовой. К политической эмиграции в первую очередь нужно отнести руководство Белорусской Народной Республики, покинувшее Беларусь в 1919 г.

С конца 1920-ых годов и после установления советской власти эмиграция из Советской Беларуси фактически была остановлена. Возможность переехать в другую страну оставалась только у жителей Западной Беларуси. Именно поэтому межвоенный период в первую очередь необходимо рассматривать как экономическую белорусскую эмиграцию из Западной Беларуси. Как правило, в поисках лучшей жизни родину покидали белорусские и украинские крестьяне, большинство которых – обеднелые. В период массового выезда крестьян цены на имущество падали, часто их специально сбивали, поэтому основной проблемой для эмигрантов был поиск денег для отъезда и оплаты услуг агентству по оформлению документов. Особенностью экономической эмиграции является значительно более быстрая адаптация за границей, чем политическая.

Для белорусов общие культурные, политические, образовательные мероприятия и проекты с украинцами имели большее значение, чем для украинцев. Именно поэтому белорусская пресса за границей старалась отреагировать новыми статьями на все проведенные белорусско-украинские встречи. Украинские эмигрантские издания придавали меньшее внимание подобным мероприятиям.

Важным для исследования белорусско-украинских связей межвоенного периода являются следующие периодические издания белорусской эмиграции: «Белорусский студент» (Чехословакия), «Белорусская Трибуна» (США), «Бюллетень Хавруса белорусских работников во Франции» (Франция), «Американский белорус» (США), «Искры Скорины» (Чехословакия), «Прамень» (Чехословакия), «Замежная Беларусь» (Чехословакия), «Рэха» (Чехословакия) и т. д. Среди изданий белорусской эмиграции была антисоветская пресса, существовали газеты и журналы, которые демонстративно обходили острые политические вопросы, а были те издания, которые пропагандировали социалистические идеалы, критиковали антибольшевистские настроения в белорусской среде за границей.

На страницах белорусских эмигрантских газет и журналов довольно часто описывались белорусско-украинские политические, экономические, культурные и образовательные мероприятия. При анализе количества статей про взаимодействие белорусской диаспоры с другими народами самыми многочисленными являются материалы про общие проекты именно с украинцами зарубежья. Типичной статьёй про влияние украинской диаспоры на белорусскую эмиграцию стал материал «Белорусы на украинских митингах протеста» [2] (без подписи). В данной статье деятельность украинской диаспоры представлена в качестве примера. Необходимо отметить, что, как правило, пресса белорусской эмиграции про украинцев публиковала исключительно положительные аспекты сотрудничества.

При исследовании истории белорусской диаспоры между мировыми войнами необходимо активно вводить в научный оборот воспоминания белорусских и украинских эмигрантов. Однако при использовании мемуарных документов историку необходимо помнить про субъективность данного вида исторических источников. Необходимо подчеркнуть, что ряд современных белорусских историков ссылаются на мемуары эмигрантов без критического анализа, что приводит их к ошибочным результатам исследования. Воспоминания белорусских эмигрантов не достаточно подробно изучены белорусскими историками, поэтому их использование в научных работах незначительно.

Мемуары известной белорусской поэтессы Ларисы Гениуш не только наполнены фактологическим материалом, но также эмоционально воздействуют на читателей, передавая особенности мировоззрения первой половины XX столетия. В межвоенный период поэтесса жила на эмиграции в Праге, где активно участвовала в политической жизни диаспоры. В своей книге «Исповедь» Л. Гениуш не один раз подчеркивает активное сотрудничество белорусов и украинцев в Чехословакии. Например, описывая похороны члена правительства Белорусской Народной Республики Т. Гриба, она подчеркивает: «От украинцев выступил профессор Дорошенко, который когда-то написал книгу о нашем возрождении. Сам он с Черниговщины, поэтому безупречно владеет белорусским языком» [3]. На основе мемуаров Л. Гениуш можно сделать вывод о участии украинцев в политической жизни белорусской диаспоры в Праге.

Наиболее активные эмигранты участвовали в деятельности политических центров, общественных и молодежных организаций диаспоры. Наибольшую известность получили «Белорусско-американский национальный союз в Чикаго», «Хаврус белорусских работников во Франции», «Белорусский Сокол», «Объединение белорусских студенческих организаций», «Союз белорусских студентов» и т. д. Более активная деятельность белорусской политической эмиграции межвоенного времени была в первой половине 1920-ых годов. Необходимо подчеркнуть, что далеко не все представители экономической эмиграции участвовали в работе данных организаций.

И межвоенный период впервые на Западе начинают свою деятельность белорусские политические и общественные организации, эмигранты пытаются реализовать планы по созданию общеполитического издания диаспоры, создаются первые национальные общетства за границей. Деятельность наиболее активной белорусской эмиграции направлена на сохранение себя в качестве части национального этноса, умножение культурного богатства и творческого потенциала, использование немногочисленной интеллигенции в деле консолидации диаспоры. Однако необходимо подчеркнуть тот факт, что большая часть белорусов не ставилась безразличной к попыткам создания политических организаций и проведению культурной работы.

Основным центром в межвоенный период для белорусской диаспоры нужно считать Чехословакию, где проживало большинство студентов и молодежи. Белорусскую и украинскую диаспору в Чехословакии объединяла ярко выраженная политическая позиция, направленная против Польши, что проявлялось в общих акциях и мероприятиях. Говоря о контактах белорусов и украинцев в Чехословакии, необходимо вспомнить о роли украинских учебных заведений, молодежных объединений и кружков, в которых учились и принимали участие белорусские эмигранты. Белорусские студенты получали образование в Украинском высшем педагогическом институте им. М. Дрогоманова (где впервые была открыта кафедра белорусоведения в 1923 г.), Украинской национальной академии и Украинском социологическом институте, принимали участие в деятельности «Украинского историко-филологического товарищества» и «Украинской хаты» [4]. Украинские высшие учебные заведения финансово поддерживались не только правительством Чехословакии в рамках «русской акции», но и пожертвованиями самой диаспоры.

Для эффективной деятельности белорусской эмиграции необходимо было сохранять историческую память, национальную идентичность, этническую самобытность. Именно для этого необходимо было развивать научные центры, школы и клубы, а их в диаспоре не хватало. Белорусских публичных библиотек в межвоенное время не было, поэтому белорусские студенты и представители белорусской эмиграции использовали книги украинских библиотек. Можно назвать следующие украинские библиотеки в Чехословакии, где брали издания и белорусы: библиотека-выпазычальня Украинского общественного издательского фонда, библиотека-выпазычальня при Украинском книжном магазине Ф. Свободы, библиотека Украинского вольного университета [5]. Кроме того, сотрудничество белорусских и украинских студентов было и на бытовом уровне, так как белорусы жили в общежитиях для студентов вместе с украинцами, белорусы посещали и украинскую столовую в Праге, участвовали в деятельности «Украинской Хаты».

Из протокола конференции белорусского студенчества Западной Беларуси и эмиграции, которая состоялась 20 августа 1924 г. в Праге можно сделать вывод, что для белорусских политических объединений в Чехословакии исключительно важными были контакты с украинской диаспорой. На белорусскую конференцию было приглашено много украинских активистов молодежного движения. Среди выступающих на конференции украинских студентов Масюкевич (президент Союза Украинских студентов) подчеркнул: «Украинское студенчество внимательно присматривается к жизни белорусского студенчества и всегда придет на помощь» [6]. Фактически все речи украинцев на мероприятии были наполнены дружественными высказываниями, подчеркивающими тесное сотрудничество.

Белорусов и украинцев за границей кроме образования достаточно часто объединял и фольклор. Именно фольклорная традиция стала иллюстрацией единого культурного и исторического наследия, содействовала консолидации диаспор. Украинские эмигранты большое значение в своей культурной деятельности отводили созданию хоров, возможности публичных выступлений художественных самодеятельных коллективов. Белорусы часто принимали активное участие в работе украинских театров, кружков и хоров, иногда создавались специально белорусско-украинские культурные объединения. Примером такого сотрудничества является созданный в 1924 – 1925 гг. при Белорусском драматическом кружке Белорусско-украинский хор под руководством Старовера [7]. Особенностью культурного сотрудничества представителей народов является общие исторические корни, так как на протяжении столетий не было границ между белорусскими и украинскими территориями.

Сами эмигранты считали, что песни белорусов и украинцев очень близкие. На страницах «Белорусской трибуны» отмечалось: «В Праге недавно выступила молодая певица Анна Ябур. Критики, изучившие репертуар этой своеобразной крестьянской певицы, замечают, что в напевах Анны Ябур, исполняющей между прочим очень много старинных славянских песен, очень много с народными белорусскими, украинскими и великорусскими напевами» [8]. Действительно, часто тексты народных песен были хорошо знакомы как белорусам, так и украинцам.

В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства среди документов коллекции отдела рукописей белорусского музея имени Ивана Луцкевича хранятся групповые фотографии 1920-ых годов участников украинской капеллы в г. Прага. Фотографии подписаны украинскими эмигрантами в Чехословакии, сами надписи хорошо характеризуют личные отношения между диаспорами: «Брату белорусы – сестра украинка на память про чужбину. М. Приянская» [9]. Теплые и дружеские слова украинских эмигрантов в надписях на фото украинского оркестра под руководством Кошица свидетельствуют о близких культурных контактах. Белорусов интересовали и трогали выступления капеллы, а многие украинские песни казались близкими и родными.

Наиболее активно связи белорусско-украинских экономических эмигрантов проявились в Германии, Франции, Канаде, США и Аргентине. Например, в Аргентине в 20 – ые гг. был создан Аргентинский союз белорусских и украинских рабочих организаций, которым в 1925 г. было подписано соглашение о взаимодействии белорусской и украинской диаспор Аргентины [10]. Данный документ действует до сегодняшних дней, представители диаспор вместе ведут борьбу с дискриминацией, отстаивают свои права в обществе, добиваются льгот на образовательную, культурную и издательскую деятельность.

Первоначально данная организация называлась Союз украинских рабочих организаций, а в 1933 г. белорусы предложили ее назвать Союз украинских и белорусских рабочих организаций, что было поддержано ее членами [11]. Большинство организации составляли украинцы, при этом они активно поддерживали белорусскую эмиграцию, содействовали распространению социалистических идей. В межвоенный период официально белорусско-украинских организаций в мире было очень мало, что свидетельствует про особенно тесные связи диаспор в Аргентине.

Можно сделать вывод, о том, что белорусская эмиграция межвоенного периода приобрела новые черты: начали свою деятельность культурно – образовательные и молодежные организации, оформились основные политические центры. Опыт политической и культурной деятельности будет активно использоваться следующей самой массовой в XX веке эмиграционной волной белорусов, вызванной II мировой войной. Налаженные связи белорусской и украинской эмиграции в межвоенный период будут активно расширяться во второй половине XX столетия. После II мировой войны появятся белорусско-украинские периодические издания эмигрантов, общенациональные политические организации, многочисленные центры и образовательные программы.

Таким образом, украинская диаспора оказывала большое влияние на белорусских эмигрантов. Белорусы в межвоенный период участвовали в общих с украинцами экономических проектах, перенимали организационный опыт, участвовали в украинских культурных мероприятиях, учились в украинских институтах и академиях. Общие историческое прошлое, схожесть языков, одинаковые политические позиции по многим вопросам геополитики, близость материальной культуры и традиций способствовали налаживанию контактов между белорусами и украинцами. Украинская диаспора стимулировала активность белорусов, что позволяет говорить о важности данного влияния на историческое развитие белорусской эмиграции.

Литература

1. Кубійович, В. Українська діаспора / В. Кубійович, В. Маркусь // Енциклопедія українознавства. – Том 9. – Львів: Молоді Життя, 2000. – С. 3354–3358.
2. Белорусы на украинских митингах протеста // Белорусская трибуна. – 1931. – № 5. – С. 4.
3. Геніюш Л. Сповідь / Л. Геніюш – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 36.
4. Зубко О. Громадсько-культурна діяльність білоруської та української діаспор у Чехо-Словаччині в 1921–1939 рр. / О. Зубко // Дьяспара. Культуралогія. Гісторыя: матэрыялы IV Міжнар. кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў кантэксце культуры еўрапейскіх краін”, Мінск, 6-9 чэрвеня 2005 г. / пад рэд. А. Мальдзіса, А. Смаленчука – Мінск: Рэд. газ. “Голас Радзімы”, 2006. – С. 73.
5. Капривова, А. Русская, украинская и белорусская эмиграция в Праге / А. Капривова – Прага: без места издания, 1999. – 26 с.
6. БГАМЛИ, фонд 3, опись 1, дело 181, л. 31.
7. Зубко О. Громадсько-культурна діяльність білоруської та української діаспор у Чехо-Словаччині в 1921–1939 рр. / О. Зубко // Дьяспара. Культуралогія. Гісторыя: матэрыялы IV Міжнар. кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў кантэксце культуры еўрапейскіх краін”, Мінск, 6-9 чэрвеня 2005 г. / пад рэд. А. Мальдзіса, А. Смаленчука – Мінск: Рэд. газ. “Голас Радзімы”, 2006. – С. 72.
8. Белорусские напевы в Карпатах // Белорусская трибуна. – 1932. – № 11. – С. 2.
9. БГАМЛИ, фонд 3, опись 1, дело 14, л. 2.
10. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану / М. М. Бацян [і інш.] / Мінск: Трыялета, 2006. – С. 112.
11. Шабельцев, С. В. Украинцы и белорусы в Аргентине: общественно-политическая деятельность и связи с родиной (1945–1991 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. В. Шабельцев. – Минск, 2005. – С. 30.

ПОЛИТИКА ВЛАСТЕЙ 2 РП ПО БОРЬБЕ С МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ

В.И. КРИВУТЬ

Барановичи, УО «БарГУ»

Важной составляющей частью молодежной политики властей межвоенного польского государства была борьба с молодежной безработицей. Эта проблема стояла остро, особенно после начала экономического кризиса. Согласно данным отдела безопасности МВД, излишек рабочих рук в деревне составлял от 5 до 6 млн. человек. Ситуация в городах обстояла не лучше. Хотя в городских биржах труда было зарегистрировано лишь несколько тысяч молодых безработных. Но в большинстве случаев молодежь не могла зарегистрироваться, так как не имела никакого трудового стажа [6, с. 215].

Проблему занятости молодежи пытались решить при помощи так называемых «лагерей труда». В этих «лагерях» 6 часов в сутки юноши были заняты на общественных работах, 2 часа посвящались обучению, практическим курсам, военной подготовке. Власти считали, что «главным при проведении акции занятости должно стать воспитание и профессиональная подготовка» [6, с. 225 – 226].

Первоначально всей этой акцией руководило специальное бюро занятости молодежи при Фонде Труда. При этом к борьбе с безработицей активно привлекались не только государственные структуры, но и молодежные союзы. В 1935 г. министр общественной опеки Губицкий заявлял в интервью, что акцией «лагерей труда» удалось охватить 20 тысяч человек – до 80% безработной молодежи (скорее всего, имелись в виду зарегистрированные на биржах труда). При этом министр отмечал «снижение уровня молодежи», её «испорченность». С этим он связывал имевшие место в «лагерях» факты несоблюдения субординации и даже нападения на руководителей. Одновременно указывалось и на подрывное влияние, направленное на срыв акции [4, л. 246 – 247].

Хотя обстановка в «лагерях труда» была достаточно напряжённой, власти всё же стремились их сохранить. В качестве выхода попытались передать «лагеря труда» во ведение военных. В связи с этим в сентябре 1936 г. вышел специальный декрет президента РП «О службе труда молодежи». Молодежные «лагеря труда» преобразовывались в юношеские отряды труда. Они должны были нести так называемую трудовую службу